

УДК 811.161.1'42

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В РЕЧИ СТУДЕНТОВ КАК СИМВОЛОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ

О. С. Незнаева

Незнаева Ольга Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, osneznaeva@gmail.com

В статье рассматриваются случаи употребления прецедентных феноменов в речи студентов. Особое внимание уделяется анализу коммуникативных ситуаций, в которых прецедентное имя является способом вербализации прецедентного текста и прецедентной ситуации. Сделана попытка выявить механизм актуализации прецедентных знаний, хранящихся в когнитивной базе представителей одного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный текст, студенческое общение.

Peculiarities of Precedent Names Functioning in Student Speech as Symbols of the Precedent Texts and Precedent Situations

O. S. Neznayeva

Olga S. Neznayeva, ORCID 0000-0003-4281-3969, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, osneznaeva@gmail.com

The article considers instances of precedent phenomena in students' speech. There is a special focus on the analysis of communicative situations in which the precedent name is a means of verbalization of the precedent text and precedent situation. It is attempted to elicit the mechanism of actualizing precedent knowledge stored in the cognitive database of the representatives of one linguistic and cultural society.

Key words: precedent phenomenon, precedent name, precedent situation, precedent text, student communication.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-153-157

Язык и культура тесно связаны между собой. Через язык мы раскрываем свои знания о мире, оцениваем явления жизни и выражаем определенную точку зрения. При этом в речи мы нередко обращаемся не к обычным лексемам, а к известным цитатам, ситуациям из кинофильмов и рекламы, именам знаменитых исторических деятелей и персонажей. Такие единицы, хранящие в себе культурную память, значимые для представителей одного лингвокультурного сообщества, принято называть прецедентными феноменами (далее ПФ)¹. Они делают нашу речь ярче, образней, часто с помощью них автор сообщения пытается наиболее емко выразить свою мысль, быть понятым. В своей работе мы в основном опираемся

на концепцию, представленную в исследованиях Д. В. Багаевой, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Ю. Н. Караулова, посвященных функционированию прецедентных феноменов.

Знания о ПФ содержатся в нашем сознании. Д. Б. Гудков и В. В. Красных полагают, что у представителей одного национально-культурного сообщества есть общая структурированная совокупность знаний, называемая когнитивной базой. Когнитивная база формирует инварианты восприятия определенных культурно значимых феноменов. Для каждого человека такая структура индивидуальна. Д. Б. Гудков и В. В. Красных предлагают называть ее индивидуальным когнитивным пространством, состоящим из инварианта и из собственного представления человека о данной реалии².

Рассматривая процесс восприятия и понимания текста, следует отметить, что в нашем сознании существуют когнитивные структуры, которые содержат в себе сведения о языке (лингвистические когнитивные структуры) и знания об окружающем мире (феноменологические когнитивные структуры)³. Лингвистические когнитивные структуры отвечают за формирование представлений о законах языка, о его фонологическом и синтаксическом строе, лексическом запасе, о законах построения высказываний. Феноменологические когнитивные структуры призваны формировать знания об исторических событиях, произведениях искусства, реальных личностей, т. е. об экстралингвистических явлениях⁴. Когда человек воспринимает текст, основную работу выполняют лингвистические когнитивные структуры, которые расшифровывают входящую информацию и декодируют поступающие коды. В процессе понимания, интерпретации входящего текста в человеческом сознании активизируются феноменологические когнитивные структуры, которые призваны раскрыть глубинный смысл сообщения⁵.

Таким образом, в сознании происходит актуализация прецедентных знаний, важных для личности в эмоциональном и познавательном плане и хранящихся в когнитивной базе. Гудков понимает под ними «совокупность знаний и представлений, общих практически для всех членов лингвокультурного сообщества»⁶. Для успешной коммуникации каждый участник общения должен обладать знаниями инварианта когнитивной базы того национально-лингвокультурного сообщества,

на языке которого происходит коммуникация⁷.

Прецедентные феномены неоднородны по своей природе. Большинство ученых выделяют четыре вида ПФ: прецедентный текст (далее ПТ), прецедентное высказывание (далее ПВ), прецедентную ситуацию (далее ПС) и прецедентное имя (далее ПИ).

Разные виды прецедентных феноменов имеют различные по своей природе формы существования в когнитивном пространстве. Условно их можно разделить на две группы. В первую входят прецедентное имя и прецедентное высказывание. Эти феномены хранятся в сознании в виде вербальных инвариантов восприятия, имеют четко фиксированную форму. Прецедентную ситуацию и прецедентный текст можно отнести ко второй группе феноменов. Они являются «вербализуемыми», т. е. феноменами, которые поддаются вербализации в процессе коммуникации⁸. Обращение к ним может возобновляться посредством связанных с ними прецедентных высказываний и прецедентных имен. Это могут быть цитаты, заглавия, имена персонажей и т. д. – все, с помощью чего произойдет актуализация у собеседника определенного ПТ или ПС⁹.

Таким образом, в любой ситуации общения непосредственно могут участвовать только прецедентное имя и прецедентное высказывание, в то время как прецедентная ситуация и прецедентный текст используются опосредованно, актуализируясь посредством вербальных прецедентных феноменов. Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и В. В. Красных, говоря об этом, доказывают, что ПИ и ПВ в определенных коммуникативных условиях могут выступать в качестве символов ПС и ПТ.

В статье на материале разговорной речи студентов СГУ имени Н. Г. Чернышевского рассмотрим особенности употребления прецедентных имен и попытаемся выяснить, в каких случаях можно говорить об их символической природе.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся чаще всего к числу прецедентных (*Тарас Бульба*, *Обломов*), или с ситуацией, известной носителям языка (например, *Иван Сусанин*, *Колумб*)¹⁰. ПИ – это своеобразный символ, который, как правило, употребляется для апелляции не ко всей личности, а только к определенному набору его признаков. В качестве примеров могут быть названы известные имена собственные, названия произведений, географические названия, наименование исторических событий и т. д. Прецедентное имя, согласно исследованиям, имеет определенную структуру, состоящую из ядра (дифференциальных признаков) и периферии (атрибутов). Дифференциальные признаки – основные характеристики, отличающие одно ПИ от другого. Они могут представлять собой разные характеристики ПИ: черты характера (например, *Тарас Бульба – патриот, храбрый казак*),

атрибуты, признаки, тесно связанные с ПИ, но не являющиеся обязательными (*кепка Ленина*, *маленький рост Наполеона*), прецедентные ситуации (например, ПИ *Сусанин* в сознании носителей языка больше всего связано с ситуацией, когда он, рискуя собственной жизнью, показал польским интервентам неверный путь)¹¹.

Согласно исследованиям, ПИ может восходить к ПТ, ПС или представлять собой имя, не связанное онтологически с другими вербализуемыми видами прецедентных феноменов¹². Рассмотрим такие случаи на материале разговорной студенческой речи.

Говоря о том, что прецедентное имя восходит к прецедентному тексту, имеется в виду, что ПИ представляет собой заглавие произведения, имя персонажа, наименование географического объекта, характерного для произведения, и т. д.

ПИ, пришедшее из ПТ, может употребляться в речи в качестве характеристики имени. В этом случае инвариант восприятия прецедентного имени, хранящийся в нашей когнитивной базе, содержит определенные дифференциальные признаки и атрибуты, которые актуализируются в речевой ситуации, апеллируя к ПТ-источнику. Например, студенты разговаривают о директорах школ, в которых они учились.

– У нас директор тоже с секретаршей не говорил// Его так никто и не видел//
– Гудвин/ великий и ужасный//

Одним из признаков ПИ *Гудвин*, хранящимся в нашей когнитивной базе, является то, что он никогда не появлялся перед жителями Изумрудного города в своем настоящем облике, мог предстать перед ними в облике огромной головы, парящей в небе, или в виде пылающего огненного шара. Фраза *его так никто и не видел* вызвала в сознании адресата сообщения ассоциативную реакцию в виде ПИ *Гудвин*. Так как каждый инвариант восприятия ПИ представляет собой набор дифференциальных признаков, то в сознании говорящего возникла еще одна характеристика данного персонажа: *великий и ужасный*. Видим, что ПИ в данном случае актуализирует набор дифференциальных признаков, понятных реципиенту, т. е. ПИ является символом этих характеристик.

Рассмотрим другой пример. Девушка рассказывает, как, когда она жила в неблагополучном районе города, один мужчина всегда помогал ей беспрепятственно попасть домой: *Он/ как Харон/ перевозил нас через эти ужасные улицы//*

В приведенном примере происходит апелляция к одному из признаков ПИ *Харон*, известного носителю нашей лингвокультуры как перевозчика душ в стране мертвых в подземном царстве Аида через реку Стикс. Стикс воспринимается как нечто ужасное, вызывающее страх, Харон же в данном случае представляет собой человека, который может беспрепятственно переправить через ужасное место. Говорящий использует только ПИ, но оно

является символом характеристики, известной для адресата.

Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и В. В. Красных в своем исследовании приходят к выводу, что ПИ, связанное с ПТ, может также быть символом определенной ПС. В этом случае ПИ в сознании языка будет связано с инвариантом восприятия ПС¹³. В ходе анализа было замечено, что в разговорной речи такие случаи самые частотные. Говорящий или слушающий сравнивают себя с известным персонажем, попадающим в определенную ситуацию.

Рассмотрим пример. Студентка рассказывает подруге о том, как она попала под сильный дождь, а зонт оставила дома:

– Я иду под дождем// как в душе//

– Как Инполит?//

– Ага//

В сознании собеседника существует инвариант восприятия ПС, в которой персонаж кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром» стоит под включенным душем в одежде. Услышав от подруги фразу *Я иду под дождем// как в душе*, девушка ассоциативно сближает эту ситуацию с ПИ *Инполит*. То есть в данном случае можно говорить о том, что имя-символ связано с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия ПС.

Рассмотрим другой пример. Девушка разговаривает с подругой о тех проблемах, которые возникли в жизни их общей знакомой, и сетует на то, что она больше не хочет принимать участие в их решении:

– Мне все больше хочется поступить как

Понтий Пилат//

– Умыть руки?//

– Да//

Говорящий, высказывая свою мысль о том, что он больше не хочет выслушивать приятельницу и решать ее проблемы, употребляет ПИ *Понтий Пилат*, восходящее к библейскому тексту. В лингвокультурном сообществе это ПИ связано с ПС, когда прокуратор Иудеи трижды отказывался признавать виновным Иисуса Христа, но в итоге отдал его под суд синедриону. По преданию, после этого действия Понтий Пилат прилюдно «умыл» руки, показывая свою невинность в пролитии крови. В данном случае употребление ПИ вызвало в сознании собеседника ассоциацию, связанную с этой ПС. При этом ответ содержит ПВ *Умыть руки*, которое также входит в инвариант восприятия рассматриваемой ПС. Можно предположить, что употребление данного ПВ могло быть вызвано разными причинами. С одной стороны, собеседник мог не до конца понять, что имеет в виду говорящий, употребляя ПИ *Понтий Пилат*. Поэтому, используя ПВ с вопросительной интонацией, девушка пытается узнать, правильно ли она поняла полное значение реплики подруги. С другой стороны, употребление ПВ могло быть, напротив, знаком того, что девушка верно декодировала услышанную фразу. Поэтому она,

акцентируя на этом внимание, употребляет ПВ, относящееся к той же ПС, что и ПИ. В любом случае употребление ПИ в данном случае является символом ПС.

Во всех описанных ситуациях ПИ онтологически восходили к ПТ. Однако существуют ПИ, восходящие к ПС, известной носителям лингвокультурного сообщества. При этом ПИ, как и в случаях с ПТ, может употребляться в качестве характеристики внешности, особенностей характера или указания на определенную ситуацию. Например, студентка уговаривает своего друга пойти на улицу скорее, потому их уже ждет общий знакомый. Адресат сообщения иронично реагирует на это:

– Пошли/ нас Трофимов ждет!//

– Как Хатико на остановке?//

Общий смысл первой фразы о том, что друг ждет на улице, является для слушающего стимулом для последующей реакции в виде ПИ. При этом ПИ *Хатико* в сознании адресата сообщения связано с ПС, инвариант которой содержит представление о том, как в Японии пес по имени Хатико несколько лет приходил на железнодорожную станцию и ждал своего хозяина, несмотря на то, что тот давно умер. Таким образом, ПИ *Хатико* является символом преданности и верности. В данном случае адресат сообщения употребляет ПИ иронически, сравнивая ожидание друга с подвигом собаки.

Интересно, что почти во всех приведенных примерах ПИ появляется в качестве реакции на определенный стимул. Возможно, это связано с тем, что в нашем сознании хранится разветвленная сеть различных характеристик и признаков. Именно через них практически любая фраза собеседника может соединиться с определенным ПФ.

В нашей когнитивной базе есть также ПИ, которые не связаны с какими-либо ПТ или ПС. Они, как правило, восходят к определенному инварианту восприятия прецедентного имени, которое обладает набором дифференциальных признаков.

Например, студент рассказывает другу, как он общался со школьниками во время педагогической практики перед контрольной работой: *Дал им задания и говорю// Представьте/ что вы евреи/ а я Геринг*//

Прецедентное имя *Геринг* в нашем сознании связано с личностью известного военного деятеля нацистской Германии. При этом мы не можем точно выделить одну ситуацию или один дифференциальный признак в нашей когнитивной базе, с которыми он связан. Это целый пучок ассоциаций, связанных с разными качествами его характера, поступками и решениями. В процессе коммуникации становится ясно, какой именно признак или ситуация ложится в основу этого сообщения. В данном случае в разговоре реализуется представление о Геринге как об одном из тех, кто развивал во время Второй мировой войны идею геноцида евреев. Студент, употребивший это

прецедентное имя, на наш взгляд, хотел показать другу свою власть над детьми в классе. Мы не узнаем, реально ли он произнес эту фразу перед школьниками, а если произнес, то хотел ли, чтобы они его поняли, но студент явно рассчитывал, что его друг поймет и оценит его реплику.

Рассмотрим другой пример. Парень смеется над тем, что девушка хочет сделать фотографию, не сняв крышку с объектива: *Открой объектив/ не будь Малевичем//*. В сознании автора сообщения хранится инвариант восприятия ПИ *Малевич*. Одним из его атрибутов, значимых для представителей нашей лингвокультуры, является картина «Черный квадрат». В рассматриваемой ситуации общения молодой человек замечает, что девушка забыла открыть объектив, а значит, если она сделает фотографию, то у нее получится просто черный кадр. Этот стимул рождает в сознании говорящего ассоциацию, связанную с черным квадратом, поэтому он сравнивает девушку с Малевичем.

Все рассмотренные примеры были связаны с ситуациями, когда ПИ употреблялось только один раз. Проанализировав собранный материал, приходим к выводу, что в разговорной речи очень часто можно наблюдать употребление нескольких ПИ в одном контексте. Они могут быть произнесены как одним говорящим, так и несколькими участниками ситуации. При этом наблюдается «нанизывание» ПИ друг на друга, что помогает при создании более яркого образа.

Рассмотрим пример: девушка рассказывает подруге историю о том, как она пришла на вечеринку в неподходящей одежде, и весь ее вечер был из-за этого испорчен: *И я пришла туда/ в платье/ как Бриджит Джонс// Но где тогда мой Дарси?// Костюм кролика прилагается//*. В данном примере видим, что девушка, рассказывая о своей неудавшейся вечеринке, сравнивает себя с героиней фильма «Дневник Бриджит Джонс». В фильме Бриджит Джонс, думая, что ее пригласили на маскарад, надевает костюм кролика. Однако когда она приходит на вечеринку, оказывается, что только она и один молодой человек, Марк Дарси, пришли в костюмах. Естественно, они чувствуют себя неуютно в этом вечер, но знакомство друг с другом и ощущение, что они оба ошиблись, помогает им хорошо провести время. Участница диалога в рассматриваемом примере не только говорит, что она похожа в данной ситуации на Бриджит Джонс, но и сетует на то, что не встретила Дарси, хотя костюм кролика у нее с собой. В противном случае ее вечер прошел бы лучше. Таким образом, в данном примере можно говорить об употреблении нескольких ПИ, актуализирующих в сознании слушающего одну ПС, восходящую к ПТ. Употребление двух имен и атрибута, относящегося к внешнему облику героини, усиливает аллюзию, добавляет эмоциональность и дополнительные смыслы.

Обратимся к примеру, когда оба собеседника употребляют разные ПИ в одном контексте. Студентки делятся впечатлениями после просмотра студенческой постановки пьесы А. П. Чехова «Чайка». В частности, они обсуждают, как актер, играющий Треплева, выходит на сцену с картонной коробкой, в которой якобы лежит убитая им чайка, чтобы показать ее Нине Заречной:

– Мне понравилось// Особенно чайка Шредингера//
– Ага// Чайка-барашек//

У каждой студентки есть свои впечатления от просмотренного спектакля. Вынесенная на сцену коробка с чайкой вызвала у обеих ассоциации, однако они оказались разными. Для одной из них – чайка, как кот Шредингера, не ясно есть она или нет, для другой чайка связана с произведением А. Экзюпери «Маленький принц», в котором главный герой просил летчика нарисовать ему барашка, а потом сделать для него ящик, чтобы барашек не съел его розу. Видим, что для обеих студенток ассоциация носит прецедентный характер, при этом обе они хотят высказать свое мнение друг другу, поэтому в результате получаем два ПИ, один из которых связан с ПТ, а другой с ПС.

При анализе собранного материала было выявлено, что все ПИ, которые студенты употребляют в речи, могут иметь три типа источника: прецедентный текст, прецедентную ситуацию или само прецедентное имя. Употребляя ПИ, говорящие способны вызвать в сознании собеседника целый пучок дифференциальных признаков и атрибутов, отсылающих к соответствующей ситуации, тексту или личности, что помогает лучше понять полный смысл сказанного. Стоит отметить, что полное понимание возможно только в том случае, если в сознании собеседника хранятся инварианты восприятия ПФ. Однако в статье рассмотрены только случаи, когда коммуникация прошла успешно, и не учитываются коммуникативные риски. Довольно часто в разговорной речи студентов можно наблюдать случаи употребления нескольких ПИ. Это помогает сделать образ более ярким и точным. В заключение можно сделать вывод о том, что ПИ в разных контекстах может служить способом вербализации ПТ и ПС в речи. В этом случае ПИ выступает в качестве символов ПС и ПТ.

Примечания

- 1 См.: Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М., 2007. С. 216.
- 2 См.: Гудков Д. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999. С. 96.
- 3 См.: Кушнерук С. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 115.
- 4 См.: Багаева Д., Гудков Д., Захаренко И., Красных В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык.

- Сознание. Коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 84.
- ⁵ См.: Олизько Н. Когнитивный аспект интертекстуальности // Когнитивная парадигма : Фреймовая семантика и номинация : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Правикова. Пятигорск, 2002. Вып. I. С. 130–132.
- ⁶ Гудков Д. Указ. соч. С. 130.
- ⁷ См.: Красных В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- ⁸ См.: Багаева Д., Гудков Д., Захаренко И., Красных В. Указ. соч. С. 83.
- ⁹ См.: Попадинец Р. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка : опыт психолингвистического исследования. Курск, 2010.
- ¹⁰ См.: Красных В. Указ. соч.
- ¹¹ См.: Багаева Д., Гудков Д., Захаренко И., Красных В. Указ. соч. С. 86.
- ¹² Там же. С. 84.
- ¹³ Там же. С. 86.

Образец для цитирования:

Незнаева О. С. Особенности функционирования прецедентных имен в речи студентов как символов прецедентных текстов и прецедентных ситуаций // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 153–157. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-153-157.

Cite this article as:

Neznayeva O. S. Peculiarities of Precedent Names Functioning in Student Speech as Symbols of the Precedent Texts and Precedent Situations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 153–157 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-153-157.
